

С.И. Григорьев, С.Г. Максимова

Социологический витализм как методологическое основание анализа социальных девиаций и социальных рисков распространения эпидемии ВИЧ/СПИДа

Рост глобальных угроз естественным и культурным основам жизни человечества в XX в. актуализировал интерес ученых к проблематике витализма. В этой связи сформировалась новая модель понимания человека как биопсихосоциального существа, а его здоровья как единства физического, психического и социального здоровья. Для современного обществознания также характерно повышение интереса к изучению человека. Обществоведческие интерпретации человека, взгляд на общество сквозь призму проблем человеческого существования – существенная черта формирования новых и модернизации классических социологических парадигм. В данном плане показательным является формирование основ социологической концепции жизненных сил человека, развиваемой в ряде работ последних лет, в том числе в Алтайском государственном университете [1–3], на факультете социологии комплекса «Социология, психология и социальная работа».

Базовыми понятиями рассматриваемой теории выступают категории «жизненные силы» и «жизненное пространство» человека как биопсихосоциального существа, субъекта общественных отношений. Взаимозависимость, взаимодействие данных явлений и понятий составляют фундамент системы социологического знания, изложенного в категориях социологии жизненных сил человека.

Основная характеристика понятия «жизненные силы человека» чаще всего сводится к способности людей воспроизводить и совершенствовать свою жизнь индивидуально-личностными и организационно-коллективными средствами. Последнее позволяет использовать понятия «индивидуальная субъектность» и «социальная субъектность» человека как составляющие содержания категории «жизненные силы человека».

Становление жизненных сил человека как биопсихосоциального существа в основных сферах общественной жизни трансформируется, оформляется в виде его производственно-экономических, общественно-политических, духовно-культурных и социально-бытовых сил как способности воспроизводить и совершенствовать соответствующие стороны своей жизни. Это позволяет употреблять для более детальной ха-

рактеристики обозначаемых данными понятиями явлений общественной жизни такие категории, как производственно-экономическая субъектность, политическая субъектность, духовно-культурная субъектность и социально-бытовая субъектность.

В западной традиции социологического осмысления характеризуемого круга явлений нередко употребляется и такая группа взаимосвязанных понятий: *субъектность в сфере государственного управления, субъектность в бизнесе, субъектность в «третьем секторе» как сфере деятельности неправительственных и некоммерческих организаций*. Они отражают, соответственно, воспроизводство и совершенствование жизни человека в сфере государственного регулирования общественной жизни, бизнеса и «третьего сектора».

По мере того, как все более отчетливо обозначаются контуры данных сфер общественной жизни современной России, в отечественной социологии публикуются исследования, характеризующие дифференциацию поведения людей, занятых в госслужбе, бизнесе и «третьем секторе», появляется все больше оснований для характеристики соответствующих форм и содержания субъектности человека в условиях современного российского общества. Следует подчеркнуть, что для России это – достаточно нетрадиционный взгляд, имеющий относительно слабую в недавнем прошлом социальную базу и традицию социального мышления.

Мы специально подчеркиваем данное обстоятельство, однако не столько в силу его новизны, сколько по причине особой важности в осмыслении различий субъектности, способов жизнеосуществления в названных трех сферах, обусловленных в главном характером мотивации деятельности занятых в них людей. Это позволяет во многом по-новому рассматривать формирование, характер осуществления, специфику реабилитации жизненных сил представителей различных слоев общества, тяготеющих преимущественно либо к госслужбе, либо к «третьему сектору».

У этой сравнительно новой для нас традиции осмысления жизненных сил человека, заимствованной в западной социологии, помимо известных достоинств есть и существенные недостат-

ки, даже в сравнении с более привычной нам практикой выделения специфики деятельности населения в экономике, политике, социокультурной и социально-бытовой сферах общественной жизни. В главном они сводятся к следующему: во-первых, ориентация на трехсекторное видение сфер жизнеосуществления людей (госслужба, бизнес, «третий сектор»), их жизненных сил существенно сужает спектр рассматриваемых явлений, ограничивает их объемное видение, обедняет представления о них.

В частности, в этой связи становится очевидным выпадение из поля зрения целой сферы деятельности людей в обществе – духовно-культурной. Поэтому отечественная традиция четырехсферного деления общества для определения основных групп, видов деятельности, жизнеосуществления человека эвристически и практически представляется нам более приемлемой. Она позволяет дать более разностороннюю характеристику жизненных сил человека, его индивидуальной и социальной субъектности.

Социология жизненных сил человека в определении базовых социальных отношений идет от понимания фундаментального значения взаимодействия жизненных сил человека и жизненного пространства его бытия, взаимозависимости субъектов общественной и индивидуальной жизни по поводу жизненного пространства, средств обеспечения, воспроизводства и совершенствования жизни во всем ее разнообразии. Жизненное пространство при этом чаще всего понимается как среда обитания человека, позволяющая ему так или иначе воспроизводить и совершенствовать свою жизнь, совокупность элементов, составляющих естественную и социокультурную основу воспроизводства жизни человека как биопсихосоциального существа.

Особое значение в этой связи имеет характеристика существа и различий жизненного пространства и жизненных сил человека. Прежде всего существенно значимо то, что понимание неразрывного единства данных понятий и явлений дает возможность рассматривать жизненные силы человека не только в пределах собственных атрибутивных характеристик, но и через осмысление развитости жизненного пространства, характера его взаимодействия с жизненными силами.

Очень важна и стратегия анализа соотношения жизненных сил и жизненного пространства бытия человека с точки зрения их дифференциации, осмысления различий, логики взаимодействия. Это приводит к необходимости охарактеризовать прежде всего взаимозависимость субъектов жизненных сил в обществе по поводу

использования для воспроизводства и совершенствования жизни того жизненного пространства, которое их окружает, что закладывает основы понимания природы первичных, неперенесенных социальных отношений как базовой ячейки любой формы организации общественной жизни человека.

Воспроизводство такой взаимозависимости происходит как взаимовлияние жизненных сил и жизненного пространства человека друг на друга. При этом объективно они воздействуют друг на друга своими количеством, качеством и мерой. В процессе такого воздействия жизненных сил на жизненное пространство средства осуществления жизни возникают первичные социальные отношения владения, пользования, распоряжения. Обратное, встречное воздействие средств жизнеосуществления, жизненного пространства на жизненные силы человека порождает первичные, неперенесенные социальные отношения присвоения, распределения, потребления.

Это означает, с одной стороны, то, что жизненные силы человека, воздействуя на средства жизнеосуществления, жизненное пространство своим количеством, качеством и мерой, порождают, соответственно, отношения владения, пользования, распоряжения. Иначе говоря, это означает, что от степени наличной развитости жизненных сил человека зависит характер осуществления им владения, пользования и распоряжения своим жизненным пространством. Характеризуясь известным количеством, качеством и мерой, жизненные силы человека определяют масштаб воздействия использования им своего жизненного пространства для воспроизводства и совершенствования жизни.

С другой стороны, одновременно жизненные силы человека зависимы, испытывают воздействие средств жизнеосуществления, жизненного пространства, количество, качество и мера которого порождают отношения присвоения, распределения, потребления. Таким образом, возникает органичное единство, основа формирования всей системы общественных отношений, опосредуемых производственно-экономическими, политическими, духовно-культурными и социально-бытовыми факторами и условиями конкретно-исторического бытия людей.

Ключевое значение имеет то обстоятельство, что виталистская социология учитывает особенности основных типов, каналов взаимодействия жизненных сил человека и его жизненного пространства. Во-первых, в качестве такового рассматривается слепое, стихийное, природное взаимодействие жизненных сил и жизненного пространства бытия человека. Во-вторых, выде-

ляются особенности, специфика взаимодействия жизненных сил и жизненного пространства человека с помощью устойчивых систем культурных символов, формируемых религией, наукой, искусством, философией, моралью, массовым сознанием, общественной психологией. В-третьих, характеризуется и такой тип взаимодействия, как преобразующая духовная и материальная деятельность, обусловленная активной, творческой природой человеческого сознания, психики человека.

Итак, демонстрируемый виталистской социологией подход к характеристике взаимодействия, взаимозависимости жизненных сил и жизненного пространства бытия человека, воспроизводства первичных, базовых социальных отношений существенно отличается от традиционной марксистской трактовки и «родовых», и сущностных, и «производительных» сил. Такой подход не просто расширяет спектр характеристик основ социальной жизни, индивидуальной и социальной субъектности человека в обществе, но кардинально меняет угол зрения на движущие силы общественного развития, систему общественных отношений, понимание роли природных и общественных, производственных и социокультурных, духовно-идеологических компонентов, объективных и субъективных условий и факторов социального развития, эволюции культуры социальной жизни, управляемом и стихийном в ней.

В данном плане закономерно трансформируются, формируются заново представления об объекте и предмете, системе основных законов и категорий, методах и методологии, структуре социологического знания, выстроенной в логике социологии жизненных сил человека. Иначе говоря, формируется новая основа воспроизводства культуры социологического мышления.

В качестве объекта социологии как науки, в рамках ее формирующейся виталистской парадигмы чаще всего представляется такая ее характеристика: объектом социологии выступает способ жизнеосуществления человека как биопсихосоциального существа, определяющий его возможности воспроизводить и совершенствовать свою индивидуально-личностную и организационно-коллективную жизнь. В этой связи предметом социологии определяются закономерности формирования и осуществления исторически конкретного способа жизнеосуществления человека как биопсихосоциального существа.

В рамках данной интерпретации объекта и предмета социологии как науки встречается их редакция, опирающаяся на содержательно-концептуальный потенциал понятия «образ жизни

человека», достаточно обстоятельно раскрытого в отечественном общественном сознании вообще и в социологии в частности дискуссиями 1970–1980-х гг., значительным количеством публикаций (В.И. Толстых, В.З. Роговина, Н.В. Касьяненко и др.). На стадии формирования базовых представлений о виталистской социологии, основах становления системы ее категорий это вполне закономерный процесс, показывающий преемственность в развитии отечественного общественно-научного сознания, несмотря на революцию в политическом, экономическом, социально-бытовом и культурно-идеологическом устройстве российского общества последнего десятилетия.

Более акцентированно, нетрадиционно выдвигает иная попытка определить объект и предмет социологии в ее виталистской парадигме, сформулированная в ходе дискуссии на межкафедральном методологическом семинаре, проведенном на факультете социологии Алтайского государственного университета в декабре 1996 г. В главном она сводится к следующему: объектом социологии как науки было предложено считать процесс взаимодействия жизненных сил человека и среды его обитания, жизненного пространства бытия людей. В качестве предмета социологии в данном подходе выступает специфика закономерностей взаимодействия жизненных сил и жизненного пространства, средств воспроизводства и совершенствования бытия человека как биопсихосоциального существа в исторически конкретной ситуации.

Наконец, нельзя не отметить и такой вариант определения объекта и предмета социологии жизненных сил, также защищавшийся во время дискуссии методологического семинара: в качестве объекта социологии его сторонники предлагают рассматривать эволюцию первичных социальных отношений, их развертывание во всех сферах общественной и индивидуально-личностной жизни человека. Как предмет социологии в данном контексте ее статусного определения характеризуются законы эволюции первичных социальных отношений, закономерности их развертывания во всех основных сферах общества: экономике, политике, духовно-культурной и социально-бытовой жизни человека.

Конечно, в отмеченных подходах можно заметить немало дискуссионного, что вполне объяснимо в силу стартового периода формирования виталистской концепции социологического знания. При этом публикации по данной проблеме, анализ особенностей разработки так называемых интегративных социологических теорий последних лет демонстрируют наличие некоей общей тенденции к расширитель-

ному толкованию объекта и предмета социологии как науки.

Отмеченное обстоятельство в свою очередь ведет к существенному изменению взглядов на специфику собственно социологических методов, которые дополняются чаще всего междисциплинарными, комплексными методиками, интегрированием уже известных классических социологических методов с методами психологии, экономики, истории, педагогики, теории и методики социальной работы, валеологии и др. При этом, конечно, существует реальная опасность размывания границ социологии как науки, разрушение логики ее внутреннего строения, соотнесенности со смежными областями знаний о человеке и обществе.

Вместе с тем очевидно и другое – реальная возможность возникновения такой системы интегрированного социологического знания, методов социологического анализа жизни человека в обществе, которые могли бы более полно и точно отражать специфику, процесс воспроизводства и совершенствования жизни современного человека, становления, реабилитации и осуществления его жизненных сил, прогнозирования их эволюции в исторически конкретных формах и масштабах.

Все это позволяет значительно углубить и расширить разработки основ социологии жизненных сил человека. Значение данного направления развития социального знания для России сегодня трудно переоценить, прежде всего потому, что XX в. для нее завершился новым революционным переустройством всех сфер общественной жизни, затрагивающим основы формирования и воспроизводства жизненных сил человека. И вновь население страны подвержено серьезным испытаниям, терпит колоссальные лишения, потери. Это касается как физического, так и психического, духовного, социального благополучия человека.

С этой точки зрения наиболее важен анализ и осмысление современных форм социальных девиаций как элемента общественного бытия. Состояние, уровень, динамика негативных социальных девиаций, в том числе значительного роста потребления наркотиков, распространения секс-бизнеса и, как следствие, эпидемии ВИЧ/СПИДа, служат своеобразным зеркалом социальной действительности. Эксперты отмечают ряд причин и факторов данного явления [4], среди них наиболее важные:

- социально-экономический кризис (обнищание значительной части населения; массовая безработица; социальное расслоение; маргинализация общества);

- разрушение социокультурной среды (утрата традиций, разрушение моральных и поведенческих стереотипов; нарушение самоидентификации личности; господство цинизма и социальной несправедливости; потеря жизненных ориентиров);

- общее ухудшение состояния здоровья населения (вследствие ухудшения питания и недоедания, отрицательного воздействия экологических факторов и радиации, наследственной отягощенности и недоступности квалифицированной медицинской помощи для значительных слоев общества и др.);

- доступность, относительная дешевизна и тотальная реклама табака и алкоголя;

- тотальная пропаганда наркотиков в кино и видеофильмах, средствах массовой информации и шоу-бизнесе;

- наступление организованного наркобизнеса;

- разрушение созданной ранее системы профилактики наркомании и борьбы с ней.

Прежде чем обратиться к методологическому пониманию разных форм социальных девиаций с точки зрения концепции социологического витализма, определим значение ряда категорий.

Девиации («отклонения») – естественный, закономерный, необходимый способ изменения физических, биологических, социальных систем. Девиации (флуктуации в неживой природе, мутации – в живой) служат механизмом изменчивости, а, следовательно, существования и развития каждой системы.

Социальные девиации и девиантное поведение могут иметь для системы двоякое значение. Одни из них – позитивные – выполняют негэнтропийную функцию, служат средством (механизмом) развития системы, повышения уровня ее организованности, устраняя, преодолевая устаревшие стандарты поведения. Это социальное творчество во всех его проявлениях (техническое, научное, художественное и т.п.). Другие же – негативные – дисфункциональны, дезорганизуют систему, повышают ее энтропию (преступность, терроризм, коррупция, потребление наркотиков, пьянство, проституция и др.).

Социальная норма выражает исторически сложившийся в конкретном обществе предел, меру, интервал допустимого (дозволенного или обязательного) поведения, деятельности индивидов, социальных групп, организаций. В отличие от естественных норм протекания физических и биологических процессов социальные нормы складываются как результат отражения (адекватного или искаженного) в сознании и поступках людей закономерностей функционирования общества. Поэтому социальная норма может

либо соответствовать законам общественного развития (и тогда она является «естественной»), либо отражать их неполно, неадекватно, являясь продуктом искаженного (религиозного, политизированного, мифологизированного) отражения объективных закономерностей. И тогда оказывается аномальной сама «норма», «нормальны» же (адаптивные) отклонения от нее. Границы между позитивным и негативным девиантным поведением подвижны во времени и пространстве социумов; в одном и том же обществе сосуществуют различные нормативные субкультуры [5].

Социология девиантности и социального контроля (девиантология) исходит из оппозиции «социальная норма – девиантное поведение» в соответствии с нормами изучаемого общества, независимо от их «правильности», адапционности. Вместе с тем организация и дезорганизация, «норма» и «аномалия», энтропия и негэнтропия дополнительные (в понимании Н. Бора), их сосуществование неизбежно, они неразрывно связаны между собой, и только совместное их изучение способно объяснить исследуемые процессы. Сами же «негативные» девиации (преступность, злоупотребление алкоголем или наркотиками, проституция и др.) функциональны, они выполняют те или иные социальные функции.

Не существует каких-либо форм деятельности (поведения), которые бы были девиантны по своей природе, по своему содержанию, *per se, sui generis*.

Все социальные девиации относительно (релятивны), носят конвенциональный характер: в зависимости от ценностей, норм, оценок, господствующих в конкретном обществе.

Но тогда возникает естественный вопрос: кто определяет «нормальность» или «девиантность» той или иной поведенческой формы (вида деятельности) в конкретном обществе? От кого (от чего) зависит этикетирование (стигматизация) того или иного поведенческого акта как девиантного? Кто и как конструирует девиации? Рассмотрим это подробнее.

Мы исходим из того, что социальные девиации, девиантность есть социальное явление, выражающееся в относительно массовых, статистически устойчивых формах (видах) человеческой деятельности, не соответствующих официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, субкультуре, группе) нормам и ожиданиям [6].

Специальное внимание уделим социологическим исследованиям проблем наркотизма как одного из видов девиантного (отклоняющегося от принятых социальных норм) поведения. В этой

связи возникают проблемы социального контроля (механизма самосохранения и саморегуляции общества и социального риска, в частности, риска распространения эпидемии ВИЧ/СПИДа или угроза безопасности, так как наркотизация угрожает национальным интересам России.

Наркотизация является комплексным явлением, включающим в себя социальный, психологический, медицинский компоненты, которые необходимо рассматривать с точки зрения теории социологического витализма. Даже поверхностный анализ проблемы позволяет выделить в наркотизме как явлении несколько аспектов [7].

Социальный аспект. Отношение общества к наркотизму сегодня в подавляющем большинстве случаев характеризуется как негативное. Это приводит, в частности, к резкой реакции отторжения и изгнания наркоманов. Гиперконтроль или эмоциональное отвержение в семье приводят к тому, что наркоман оказывается на самом дне общества, загнанный туда своими же родителями, милицией, работодателями, социальными службами. Единственная среда, в которой он может как-то функционировать, – это потребители наркотиков. Формируется особая наркоманская субкультура со своим специфическим образом жизни, системой ценностей, языком, атрибутами, установками, понятиями, мифами. Эта субкультура смягчает восприятие того, на что люди за ее пределами смотрят как на психическое отклонение или даже криминальное поведение. Субкультура потребителей наркотиков – это антисистема и крайне негативное явление, так как она способствует приобщению к наркотикам и закреплению их употребления.

Экономический аспект. Незаконный оборот наркотиков порождает колоссальный по своим масштабам теневой оборот денежных средств. Развитие наркотической зависимости влечет за собой разрушение трудовой мотивации и трудового поведения в целом. Распространение наркотиков среди молодежи ведет к общему снижению интеллектуального потенциала страны. Негативные последствия этого процесса неизбежно скажутся при смене поколений.

Демографический аспект. В сферу систематического употребления наркотиков вовлекаются преимущественно мальчики и юноши. Соотношение потребителей наркотиков мужского и женского пола составляет примерно 10:1. Формирование наркотической зависимости ведет к разрушению полоролевого поведения и угасанию сексуальных инстинктов. С другой стороны, смерть от передозировки и несчастных случаев, связанных с наркоманией, вызывает резкую диспропорцию в соотношении полов [6].

Культурологический аспект. В результате систематического употребления наркотиков происходит стремительная деградация личности, разрушение нравственных основ поведения. Традиционная мораль, даже подкрепленная авторитетом религии, неспособна сегодня остановить волну наркотизма. Российская семья не может защитить ребенка от этой беды: семейная культура в значительной степени разрушена. Субкультура потребителей наркотиков предстает сегодня как контркультура с гораздо большим потенциалом, нежели потенциал традиционной культуры, которую пытаются ей противопоставить.

Репрессивный закон о наркомании определил рост закрытости этой субкультуры, принес новые сложности в ее изучение. Между воспитателем и воспитанником появился прокурор. Как контркультура наркотизм эксплуатирует глубинные основания культуры, извращая их позитивный смысл. Например, христианское «не стяжай богатств на земле» в сознании наркомана преобразуется в «презирайте жизнь».

Медицинский аспект. По мере приема наркотиков развиваются три главных клинических феномена. Во-первых, психическая зависимость: наркотик становится важнейшим условием контакта человека с жизнью. Во-вторых, физическая зависимость: наркотик постепенно проникает в различные цепи обменных процессов в

организме; его отсутствие вызывает «абстинентный синдром». В-третьих, привыкание к тому или иному наркотику и увеличение дозы. Сложившаяся в медицине традиция связывать употребление наркотиков с какой-либо психопатологией лишь «консервирует» проблему.

Психологический аспект. Некоторые исследователи выделяют следующие черты личности молодых людей, которые могут, хотя и не обязательно, стать причиной пристрастия к наркотикам: эмоциональная незрелость, неполноценная психосексуальная организация, садистские и мазохистские проявления, агрессивность и нетерпимость. Способствуют этому также и слабые адаптационные способности, склонность к регрессивному поведению, затруднения в межличностном общении. Профилактика наркотизма эффективна в том случае, если она строится как системное воздействие, повышающее возможности самореализации личности в динамичной социальной среде.

Таким образом, необходимо всесторонне осмыслить, понять и изучить ряд социальных девиаций, в частности наркотизацию, с научных позиций, в связи с этим социологическая концепция жизненных сил человека предоставляет новые методологические возможности и основания для анализа социальных девиаций, возникающих в современном обществе.

Литература

1. Бобров М.Я. Гомология. Барнаул, 1996.
2. Григорьев С.И. Роль социологической концепции жизненных сил человека в гуманизации социального образования // Гуманизация образования. 1995. №1.
3. Григорьев С.И. Жизненные силы человека / С.И. Григорьев, Л.Д. Демина, Ю.Е. Растов. Барнаул, 1996.
4. Поступной А. Н. История и современная ситуация: мнение экспертов-наркологов // Молодежь и наркотики (социология наркотизма) / Под ред. В.А. Соболева и И.П. Руценко. Харьков, 2000.
5. Гилинский Я. Девиантология: теория и реальность // Ученые записки Российской таможенной академии (Санкт-Петербургский филиал). 1998. №5.
6. Гилинский Я. Социальная патология в современной цивилизации // Криминология – XX век. СПб., 2000.
7. Предупреждение подростковой и юношеской наркомании. М., 2000.